
Л. Е. ГРИНИН

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС В XXI ВЕКЕ: СМЕНА ВЕКТОРА

Одно из основных обвинений в отношении глобализации заключается в том, что она усиливает разрыв между развитыми и развивающимися странами, обрекая последние на отсталость. Статья показывает, что на самом деле ситуация иная. Доказывается, что именно благодаря глобализации развивающиеся страны сегодня в целом развиваются гораздо более быстрыми темпами, чем развитые, центр мировой системы начинает ослабевать, а ее периферия – усиливаться. Объясняется, почему глобализация неизбежно должна была привести к бурному подъему многих развивающихся стран и ослаблению развитых. В ближайшие десятилетия тенденция на сближение уровней развития центра и периферии только усилится. Это сближение является также необходимым условием для начала нового технологического переворота. В статье даются прогнозы геополитического развития мира в ближайшие десятилетия.

Ключевые слова: развитые страны, развивающиеся страны, центр, периферия, баланс сил, сближение уровней развития, дивергенция, конвергенция, мировой порядок, глобальный технологический рывок, ослабление США, смена лидера в мире.

Введение. Глобализация стала не только привычным термином. Вместе с этим термином повторяются и привычные выводы, обобщения, обвинения. Среди наиболее частых обвинений глобализации имеется утверждение, что в результате этого процесса богатые страны становятся богаче, а бедные – беднее, что разрыв между богатым Севером и бедным Югом усиливается, что глобализация – это, по сути, современная версия неокOLONИализма. Но если три десятилетия назад эти утверждения еще имели какие-то основания, то уже в 1990-е гг. ситуация сильно изменилась. Мно-

гие развивающиеся страны продемонстрировали впечатляющие темпы роста ВВП, а общий объем их производства стал быстро приближаться к объему ВВП развитых стран. Фактически в настоящее время правильнее говорить не о развивающихся странах как единой группе, а отдельно о *среднеразвитых развивающихся странах* с хорошими темпами роста и быстро сокращающейся бедностью

(в их число входит основное число развивающихся стран с населением примерно 4 млрд человек) и *наименее развитых странах*, численность населения которых составляет примерно один миллиард человек. Разрыв между развитыми странами и среднеразвитыми развивающимися сокращается весьма заметными темпами. Разрыв же между нижним миллиардом и остальными странами (развитыми и среднеразвитыми) увеличивается. Однако есть надежда, что благодаря экономической экспансии новых индустриализующихся стран, включая Китай, Индию, Турцию и др., заработает «мотор» развития и в ряде наименее развитых стран. Ведь там сосредоточены большие запасы нефти и других полезных ископаемых, в которых нуждаются индустриализующиеся страны. Недаром в последние годы многие страны Африки южнее Сахары демонстрируют неплохие темпы экономического роста. Таким образом, экономическая картина мира существенно изменилась. Что же было главной причиной этих далеко не всегда ожидаемых перемен?

Главная причина – глобализация. Сокращение могущества США и Запада, если рассматривать ситуацию в ретроспективе, было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. только обнажил то, что фактически уже имело место: ослабление главных центров западной экономики и неизбежность утраты Западом абсолютного лидерства. В этом заключается логика истории, которую, правда, еще до конца не все поняли: *развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии*. Таким образом, именно глобализация, которую американцы активно навязывали, которую клеймят антиглобалисты всех стран, в которой видят источник трудностей развивающихся государств, и сделала данную тенденцию ослабления

богатых стран и усиления бедных неизбежной. Рассмотрим эту идею подробнее.

I. Как глобализация ослабила центр и усилила периферию

Закон сообщающихся сосудов мировой экономики и пробуждение масс. Начавшись в мире, где между развивающимися и развитыми странами лежала пропасть, глобализация затем стала способствовать некоторому сокращению разрыва в уровнях их развития. Из самой сути процесса глобализации, следовательно, вытекает, что развивающиеся страны должны обеспечить более быстрый экономический рост, чем развитые. Ведь она усиливает открытость экономических границ, а это приводит в действие своего рода закон сообщающихся сосудов. В итоге развитие периферии ускорилося, а центра – замедлилось. Без всякого сомнения, это один из самых важных результатов двух последних десятилетий. Разрыв между отдельно взятыми странами богатого Севера и бедного Юга планеты в объеме производства все еще очень велик, однако в течение последующих десятилетий он заметно сократится (в том числе и в отношении доходов на душу населения, но в меньшей степени)¹. Но если сравнивать развитые и развивающиеся (фактически все остальные) страны не по отдельности, а в целом, как две группы, то сегодня получается, что развитые страны производят уже меньше половины мирового ВВП, тогда как два десятилетия назад производили почти две трети (см. Рис. 1 на с. 37, расчет сделан по ППС). Это значит, что до 1995 г. объем ВВП развитых стран в мировом ВВП был почти вдвое больше, чем у остальных стран мира, а сегодня они производят примерно одинаково с небольшим перевесом уже развивающихся стран.

Многие экономисты 1950–1960-х гг. не питали чрезмерных надежд на выведение стран Востока из мрака отсталости в обозримом будущем. Главным тормозом они справедливо считали отсутствие у населения этих стран стремления к улучшению жизни. Бедность не угнетала людей, они не воспринимали ее как нетерпи-

¹ Разрыв в отношении доходов на душу населения сокращается медленнее по понятным причинам: прирост населения в развивающихся странах намного превышает этот показатель в развитых.

мое состояние (см., например, книгу нобелевского лауреата Г. Мюрдаля²; похожее мнение встречается у Ф. Броделя³). Такая психология еще характерна для жителей отсталых районов, особенно в Африке.

Но во многих развивающихся странах ситуация изменилась, поэтому из сонного и апатичного третий мир превращается в динамичный. И одно из главных изменений можно увидеть именно в смене жизненных приоритетов у сотен миллионов людей, которые все активнее стремятся вырваться из бедности и неграмотности в иную жизнь.

Таким образом, самым трудным для рывка оказывается пробудить эту активность в населении бедных стран (здесь нужны большие усилия, направленные на развитие начальной модернизации и образования). Но когда потребность в улучшении условий жизни все же возникает, в нем начинает работать своего рода мотор. В итоге может быть достигнут качественный результат (несмотря на то, что такое броуновское движение всегда сопряжено с массой всякого рода беззакония, уродства, глупости, несправедливости и т. п.). Ибо, начавшись однажды, движение за изменение собственной жизни к лучшему будет генерировать социальную энергию в течение многих десятилетий. А если соединяются усилия населения и государства, то в результате синергии успех может стать ошеломляющим. Именно так случилось в Китае, Индии и целом ряде других развивающихся стран.

В богатых обществах при всех их преимуществах в культуре, образовании и квалификации этот источник развития уже давно иссяк. Мотивация к более упорной работе не уменьшается только у некоторых групп иммигрантов, борющихся за свое положение (и, кстати сказать, в США именно это во многом поддерживает динамичность экономики).

А с учетом старения населения возможностей для быстрого развития становится еще меньше. Необходимо отметить, что *среды*

² Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. – New York: Twentieth Century Fund, 1968. (Русский сокращенный перевод: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». – М.: Прогресс, 1972.)

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – М.: Прогресс, 1987–1992.

причин ослабления экономической мощи Запада, конечно, важнейшее место занимает сокращение прироста населения (или даже уменьшение численности населения) при одновременном его старении. Это ведет к сокращению количества работоспособных людей и росту числа пенсионеров⁴. В то же время именно глобализация сделала востребованным (к сожалению, не полностью) основной ресурс бедных стран – рабочую силу. Причем ценность данного ресурса, по-видимому, в ближайшие десятилетия будет расти, хотя многим развивающимся странам, таким как Индия и особенно ряд африканских государств, будет очень нелегко найти примененные десяткам миллионов молодых рабочих рук.

Открытость экономических границ создает ситуацию, когда фактически начинает действовать закон сообщающихся сосудов мировой экономики. А указанный расклад внутренних стимулов к росту и различия в демографических ресурсах во многом определяют работу системы сообщающихся сосудов. Капитал и производственные мощности развитых стран с целью удешевления производства и сокращения расходов перемещаются в развивающиеся страны, где есть сотни миллионов молодых людей, ищущих работу. Вместе с этим и мотор мирового экономического роста перемещается из центра на периферию. В итоге роль развивающихся стран в мировой экономике (особенно в создании ее прироста) увеличивается, и разница в уровнях развития уменьшается, хотя пока еще остается очень большой.

Таким образом, к настоящему моменту глобализация в целом оказалась полезна развивающимся странам, вопреки утверждениям о том, что она лишь увеличивает их отставание от развитых⁵. Несмотря на многие верные замечания критиков глобализации, тем не менее отметим, что правда оказалась на стороне Джагдиша Бхагвати⁶, вставшего на защиту глобализации. И пока не наблюдается причин, по которым тенденция к более быстрому росту периферийных стран должна исчезнуть.

⁴ Отметим, что США имеют в этом плане еще некоторые преимущества перед Европой и Японией за счет более высокой рождаемости и большой иммиграции, что в значительной мере определяет более высокий динамизм американской экономики по сравнению с европейской.

⁵ См., например: Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003.

⁶ Бхагвати Д. В защиту глобализации. – М.: Ладомир, 2005.

А могло ли быть по-другому? Нередко бывает, что логика процесса длительное время непонятна, противоречива, внимание привлекают именно те стороны и черты, которые позже исчезают, а самые важные характеристики остаются некоторое время неочевидными. Только позже становится ясно, что процесс просто не мог бы происходить в иных условиях. Так случилось и с глобализацией. Рассмотрим, могло ли развитие глобализации привести в принципе к другому результату.

Углубление и расширение экономических связей в мире длительное время (особенно в период господства колониализма и неоколониализма, фактически до 1980-х гг.) происходило благодаря превращению многих экономик в сырьевые или аграрные придатки развитых государств⁷. Поэтому многие, подобно И. Валлерстайну, считали, что центр (Запад) может существовать, только постоянно эксплуатируя периферию и навязывая подчиненным странам экономическую специализацию, которая сохраняет лидерство развитых стран⁸. Начавшуюся глобализацию также длительное время идеологически удобно было приравнивать к модернизированному неоколониализму, утверждая, что она или консервирует, или даже будет углублять неравенство в уровнях экономического развития мира. В какой-то степени для этого имелись основания. Однако

в итоге логика процесса оказалась совершенно иной. Почему? Дело в том, что глобализация не просто увеличивает число экономических связей, она также колоссально расширяет экономическое пространство мира. А это означает постоянное изменение международного разделения труда. Реально это могло произойти только за счет того, что развитые страны, сосредоточившись на развитии новых отраслей, должны были передать технологии предыдущих поколений более отсталым странам. Здесь необходимо также учитывать исчерпание собственных трудовых ресурсов в развитых странах (где уже начали задействовать миллионы иммигрантов) и избытия таких ресурсов в развивающихся странах. Следовательно,

⁷ Но даже и такое развитие было трудно переоценить с точки зрения возможностей прогресса бедных стран.

⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001.

глобализация объективно вынуждала страны, развивающие пост-индустриальную экономику, которым уже трудно поддерживать все сектора хозяйства, переносить индустриальное производство в слабо индустриализированные регионы⁹. В результате такой диффузии, колоссально облегченной открытием границ для капиталов, и произошла передача части мощи от центра к периферии. Разумеется, развивающимся государствам удалось немало сделать в плане индустриализации и за счет собственных усилий.

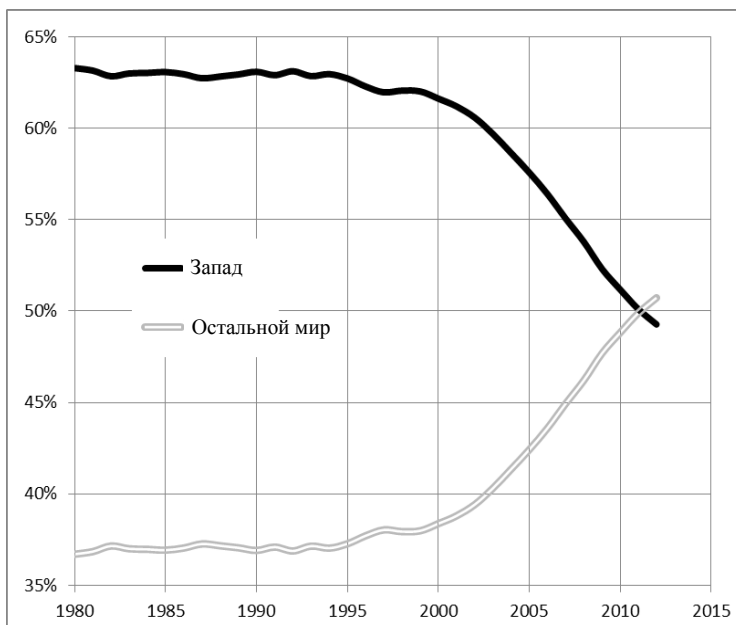

Рис. 1. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1980 г. (данные в постоянных международных

⁹ Подобные процессы способствовали развитию и в предшествующее столетие, хотя прямой перенос предприятий не был широко распространен. По типу похожими были процессы сокращения сельскохозяйственного производства в странах Европы и бурного его роста в других государствах. В Европе в последней трети XIX – начале XX в. за счет роста урбанизации доля сельского хозяйства сократилась, но в то же время потребности в продовольствии возросли. Это привело к быстрому развитию товарного сельского хозяйства (и в целом экономики) на периферии (в Австралии, России, Индии, Аргентине, на западе США).

долларах 2005 г. в пересчете по коэффициентам паритетов покупательной способности Всемирного банка)

Источник: World Bank 2013: NY.GDP.МКТР.РР.КД.

На диаграмме хорошо видно, как стремительно стал сокращаться разрыв между странами Запада и остальным миром с середины 1990-х гг. В результате ВВП по ППС западных стран с 2011 г. стал меньше половины мирового ВВП, тогда как еще в 1995 г. их доля составляла почти две трети (63 %) мирового ВВП.

Причины изменения экономического баланса сил в мире.

Суммируем причины, которые показывают, что по-другому процесс экономической глобализации вряд ли мог происходить.

1. *Для развития новейших технологий было необходимо удешевление технологий прежнего поколения.* Переход экономик Запада к новым технологиям, связанным с появлением высококвалифицированных услуг, в условиях ограниченности и дороговизны их трудовых ресурсов (а также требований к экологии) обусловил перенос старых производств на периферию. Вместе с переносом производств начался и подъем стран Азии.

2. *Для функционирования перенесенной промышленности требовалось повысить уровень принимающих стран.* Развивающиеся страны становились площадками для производства (цехами по сборке, первичной переработке и т. п.). Но такие площадки могли функционировать только при наличии минимума инфраструктуры, финансового сектора, определенной квалификации работников (ликвидации неграмотности, росте высшего образования) и т. п. Развития всего этого от принимающих стран настойчиво требовали и добивались.

3. *Перенос производств запустил мощнейший источник роста.* Он задействовал в ряде бедных стран два их важнейших преимущества: огромные трудовые ресурсы и их дешевизну. В итоге эти государства не просто стали производить в большом объеме дешевые товары, в них начались индустриализация и модернизация. А эти процессы десятилетиями (за счет оттока сельского населения в города) генерируют экономический рост и подъем благосостояния.

4. Именно незыблемые принципы глобализации привели Запад к деиндустриализации. Принципы глобализации: свобода торговли и перемещения капитала с учетом преимуществ численности и дешевизны рабочей силы развивающихся стран – сделали процесс перевода производства в эти регионы неизбежным.

5. Запад и Япония сами передали технологии модернизации развивающимся странам. Для поддержания роли лидера западные страны активно учили развивающиеся, что нужно делать, требовали и настаивали, чтобы они модернизировались, разрабатывали стратегии такой модернизации, посредством международных центров оказывали в этом определенную помощь. В ряде случаев такие призывы совпали с желаниями и усилиями местной элиты и увенчались успехом. Многочисленные способствовали и собственные усилия по развитию производства. Успех Японии, а затем и «азиатских тигров» создал эффективную модель догоняющего развития, основанную на быстром развитии экспортного сектора, которая стала распространяться.

6. Дешевые товары победили промышленность Запада. Расширение импорта дешевых товаров в страны Запада сделало процесс переноса производств в бедные страны неудержимым. Западные производители не могли конкурировать с низкими ценами и не готовы были платить больше для поддержки своей промышленности.

Кто попал в «западню глобализации»? Итак, подведем итоги. Перенос производств в развивающиеся страны создал условия, при которых их экономика стала расти быстрее экономики развитых государств (см. Рис. 2). Это неудивительно, если учесть, что мощности и капиталы в течение десятилетий выводились из экономик развитых стран, а в развивающиеся – поступали. Этому также способствовала активная политика элиты развивающихся стран по привлечению инвестиций и технологий в собственные страны, преодолению препятствий на этом пути. Для примера можно сравнить экономический рост Мексики и США. Перенос производств из вторых в первую, начавшийся в 1980-х гг. и особенно усилившийся в результате образования Североамериканской зоны свободной торговли НАФТА в 1994 г., привел к тому, что с 1986 по 2011 г. ВВП Мексики вырос почти в 9 раз (со 129,4 млрд долларов до 1153,3 млрд долларов), а ВВП США – только в 3,4 раза (соответ-

ственно с 4425 млрд до 14 991 млрд). Между тем Мексика обладает далеко не самой быстро растущей экономикой (и в 1980–1990-х гг. ее экономика и финансы испытывали сильные потрясения). Малайзия за эти годы нарастила свой ВВП в 9,3 раза. Бразилия, также активно ввозившая капитал и мощности в страну, с 1986 по 2011 г. увеличила ВВП в 9,2 раза, а если учитывать показатели с 1983 г., в 12 раз. Индонезия за период с 1986 по 2011 г. увеличила ВВП в 10,5 раз. Индия с 1991 г., то есть с момента открытия экономики для ввоза иностранного капитала, за 20 лет к 2011 г. увеличила свой ВВП почти в 7 раз (с 1983 г. – в 8,5 раз). Ну и наконец, лидирующий Китай, который с 1986 по 2011 г. увеличил ВВП почти в 25 (!) раз (с 297,8 до 7318 млрд долларов). Все эти цифры не могут не впечатлять. Для сравнения скажем, что ВВП Германии увеличился с 1986 по 2011 г. только в 3,5 раза (и это с учетом присоединения ГДР), Франции – в 3,6, Англии – в 4,3¹⁰. В годы же кризиса (2008–2012 гг.) рост ВВП развивающихся стран стал еще более наглядно опережать ВВП развитых стран (для которых теперь темп в 2 % в год является успехом).

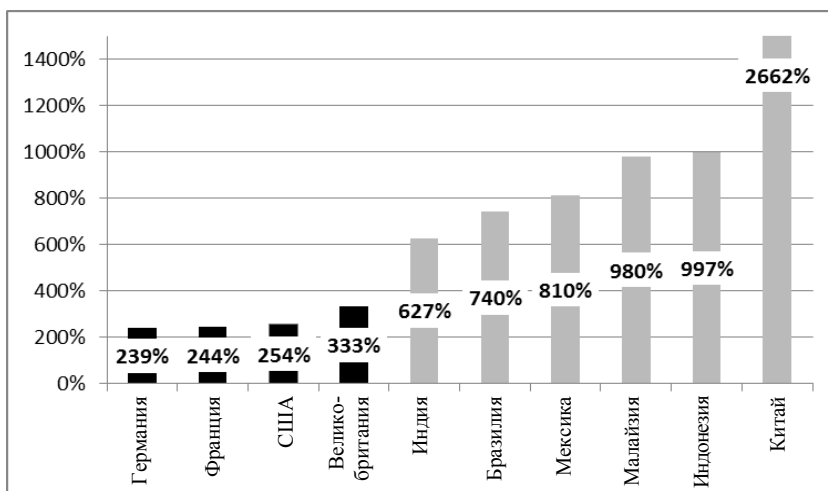

Рис. 2. Темпы роста ВВП в некоторых развитых и развивающихся странах в 1986–2012 гг.

¹⁰ Все расчеты сделаны по данным: World Bank 2014.

Источник: World Bank 2014: NY.GDP.MKTP.CD.

Развитые страны могли сохранить разрыв только путем запрета на перемещение капиталов, производств и технологий, проводя политику высоких импортных барьеров, закрывая свой рынок для чужих промышленных товаров. Но после десятилетий убеждений в святости свободы предпринимательства и свободной торговли, образования ВТО закрываться пошлинами было уже невозможно. А главное – собственный потребитель отдавал предпочтение чужим более дешевым товарам (сначала японским, затем корейским и тайваньским, позже – китайским и мексиканским, теперь бангладешским, вьетнамским и т. п.). Невозможно было желать дешевого ширпотреба и не поддерживать чужих производителей.

Словом, имел место определенный парадокс развития. Долгое время США были активнейшим проводником идеологии свободной торговли, честной конкуренции и инициатором создания соответствующих международных организаций (они постоянно давили на таких своих партнеров, как Япония, которые пытались не допустить на собственные рынки те или иные импортные товары). Тогда это было выгодно США. Но именно жесткие правила, запрещающие ставить преграды на пути дешевого импорта, стали основой для рационализации технологического процесса и вывода производства из Европы и Америки в Мексику, Китай и другие страны. Поведение западных корпораций в этом отношении было логичным, но в результате периферии вместе с промышленностью была передана и часть мощи Запада.

В итоге деиндустриализации Запада развивающиеся страны в целом выиграли, а развитые попали в ловушку низких темпов роста. Процесс деиндустриализации и его последствия хорошо описали Г.-П. Мартин и Х. Шуманн¹¹, увидевшие в нем глобальную «западню» для Европы и Америки. Но этих авторов главным образом волновал вопрос сокращения рабочих мест и распределения богатств, глобального же изменения баланса сил в мире они не заметили, поскольку считали, что глобализация негативно влияет на все страны мира.

¹¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. – М.: Альпина, 2001.

Именно западные корпорации «оплодотворили» мексиканскую, китайскую и индийскую, а равно и целый ряд других экономик. Политика западных стран вкупе с изменением демографической ситуации (старение населения на Западе и молодежный демографический дивиденд на Востоке) еще более усилила эти процессы. Разумеется, если бы западные лидеры конца 1980-х и 1990-х гг. полностью осознавали последствия деиндустриализации, вероятно, они бы что-нибудь сделали для замедления этого процесса¹², но вряд ли смогли бы предотвратить его полностью, учитывая мощнейшее влияние как потребителей (электората), так и финансово-промышленной верхушки. Это было не только экономической, но и так называемой исторической необходимостью. Политика ряда развивающихся стран, напротив, оказалась удачной в смысле поддержки индустриализации и ускоренного развития этих стран. Но без благоприятного потока капитала и технологий из развитых экономик их успех был бы крайне ограничен. Реформы удаются (при прочих равных условиях), когда для них есть благоприятные обстоятельства.

Таким образом, решающую роль в ослаблении экономических позиций Запада и США и одновременно в укреплении и подъеме стран Азии и Латинской Америки сыграла именно глобализация, шире – глубинная необходимость в выравнивании уровней экономического и культурного развития. Этот процесс продолжится в ближайшие десятилетия. Согласно многим прогнозам, на базе роста промышленности, урбанизации и государственных программ в развивающихся странах в ближайшие десятилетия будут сокращаться бедность и нищета (по некоторым расчетам, вдвое до 2030 г.¹³), ликвидируются наиболее одиозные формы эксплуатации, уменьшится неграмотность и бесправие женщин¹⁴. В целом это несколько уменьшит разрыв в уровнях жизни наиболее богатых и многих бедных стран. В мире будет также увеличиваться группа

¹² Сегодня США даже пытаются что-то сделать в этом отношении, президент Обама открыто выражает радость, что часть производств снова вернулась в США.

¹³ См.: National Intelligence Council. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*, 2012. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends.

¹⁴ Хотя в абсолютных цифрах количество бедных и неграмотных все еще останется большим. Следует иметь в виду, что уменьшение бедности произойдет и по причине снижения рождаемости.

среднеразвитых стран. Такой процесс может напоминать выравнивание уровня жизни между разными слоями в современных развитых странах в течение первых двух третей XX в. и активное формирование в них среднего класса.

II. Выравнивание уровней развития как условие нового технологического рывка

Среди ряда исследователей, которые изучают возможности технологического развития мира в ближайшие десятилетия, распространено мнение, что возможности технологического уклада, связанного с внедрением информационно-компьютерной технологий, уже в значительной мере себя исчерпали, а новый технологический рывок, который должен быть основан на развитии био- и нанотехнологий, запаздывает. Высказываются мнения о наступлении периода так называемой технологической паузы¹⁵. С нашей точки зрения, эта задержка не случайна. *Для нового технологического рывка необходимо сближение уровней развития.* По нашим предположениям, он может начаться только в 2030–2040-х гг., поскольку для этого требуются не только технологические, но и особые социальные, политические и иные условия. В частности, по нашему мнению, новый крупный технологический рывок невозможен без дальнейшего сближения уровней развития стран в мире. Отметим, что речь идет именно о масштабном технологическом перевороте, фактически о производственной революции, которая в конечном счете изменит все сферы производства и социальную структуру общества¹⁶, о революции, подобной той, что началась в 1950-х гг. и в 1980–1990-х гг. изменила с помощью ИКТ производство, финансовую систему и быт. Ограниченные технологические изменения, какими бы важными они ни были, не могут коренным образом изменить сложившуюся экономическую модель. Поэтому надежды, которые высказываются в связи с успехами в развитии

¹⁵ См., например: Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 4–23.

¹⁶ Подробнее см.: Гринин Л. Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Кондратьевские волны: палитра взглядов / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – Волгоград: Учитель, 2013.

технологии добычи сланцевого газа и нефти в США, равно как и «зеленой энергетики», явно преувеличены¹⁷.

Выравнивание будет наблюдаться и в группе развивающихся стран. Можно смело утверждать, что глобализация начнет процесс выравнивания и среди развивающихся стран. Он будет заключаться в том, что время от времени вперед по темпам развития будут выходить новые государства, в том числе африканские, ныне бедные и отсталые. Таким образом, нас ждут еще несколько волн подъема периферийных стран, при этом темпы роста нынешних лидеров (Китая и Индии) будут замедляться¹⁸. Сегодня отмечают хорошие перспективы роста большой группы развивающихся стран, в числе которых Вьетнам, Бангладеш, Турция, Индонезия, Нигерия, Малайзия и др. (которые уже активно отбирают у Китая иностранные инвестиции и долю экспорта). Группа развивающихся стран, достигших 3–10 и более тыс. долларов на душу населения, будет постоянно расти.

III. Мир без абсолютного лидера

Закат лидерства США и Запада. О неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970-х гг., когда страна столкнулась сразу с политическим, экономическим и валютным кризисами. В эти и последующие годы также нередко прогнозировалось, что Япония сменит США в роли экономического лидера¹⁹. Но новый всплеск технологической волны в США в 1990-е гг., проходивший на фоне экономической стагнации Японии, показал ошибочность таких взглядов. Лидерство Соединенных Штатов оказалось не только доста-

¹⁷ Это может дать некоторый импульс американской экономике, возможно, позволит сократить дефицит платежного баланса американской внешней торговли и несколько притормозить рост государственного долга. Но это не может радикально изменить ситуацию. Кроме того, чем шире будет развиваться такая добыча, тем серьезнее начнут сказываться связанные с ней экологические проблемы. То же касается и «зеленой энергетики». Хотя доля электроэнергии, произведенной с ее помощью, растет, а прирост в некоторых странах в иные годы может достигать и 50 % (так было в США в 2012 г.), в целом возможности подобного роста ограничены. Ее развитие очень важно, однако она не сможет в обозримом будущем заменить традиционную энергетику, не говоря уже о проблемах, связанных с ее ростом (усиление помех для радиосигналов, гибель птиц, отчуждение множества земельных участков и т. п.).

¹⁸ У Китая, в частности, из-за демографических проблем.

¹⁹ См., например: Kennedy P. *The Rise and Fall of Great Powers 1500–2000*. – New York: Random House, 1987.

точно прочным, но и поднялось на новый уровень в результате распада коммунистического блока и СССР.

Однако именно с 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться²⁰. Сначала такие прогнозы воспринимались скептически или трактовались просто как выражение левых взглядов или антиамериканских настроений. Однако по мере нарастания негативных явлений в Америке и успехов азиатских стран идея о закате Америки становилась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. Сегодня с учетом последствий мирового кризиса прогноз о снижении в ближайшие десятилетия роли США в мире разделяет большинство аналитиков. С неизбежностью потери своего абсолютного лидерства, похоже, начали примиряться и сами США, хотя еще многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь (это ярко проявляется, в частности, в выступлениях президента Б. Обамы).

Таким образом, нет сомнения, что гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Раньше или позже Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится²¹. В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные об-

²⁰ См., например: Франк А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Средним государством» // *Цивилизации*. – Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / под ред. А. О. Чубарьяна. – М.: Наука, 2002. – С. 192–203; Тодд Э. После империи. *Rax Americana – Начало конца*. – М.: Международные отношения, 2004; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001; Wallerstein I. *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York; London, 2003.; Капхен Ч. *Закат Америки. Уже скоро*. – М.: АСТ, Люкс, 2004.

²¹ См.: Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // *Век глобализации*. – 2009. – № 2. – С. 117–140; Он же. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // *Век глобализации*. – 2012. – № 2. – С. 43–61; Он же. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // *История и современность*. – 2012. – № 2. – С. 3–27.

стоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. В ближайшие два-три десятилетия США, скорее всего, останутся «первыми среди равных» из-за их превосходства в отношении целого ряда аспектов лидерства и «узаконенности» их лидирующей роли²². Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства.

Некоторые причины ослабления Запада. Со времени окончания Второй мировой войны установилась уникальная ситуация, когда одна страна – США – стала мировым лидером во многих отношениях: политическом, военном, валютно-финансовом, экономическом, технологическом, инновационном. Длительное время это лидерство укреплялось соперничеством с мировым коммунизмом, объединяя Запад и стимулируя мощную энергию в самих Штатах. С момента распада СССР США стали абсолютным гегемоном. Причем, как ни парадоксально, именно получение статуса абсолютного гегемона способствовало началу заката их могущества. С одной стороны, это ослабило готовность страны и населения к жертвам (которые Америка несла ранее в рамках холодной войны), с другой – на фоне кажущегося всемогущества американские лидеры избрали в целом неверную стратегию, пытаясь «сделать внутренние американские установки целями внешней политики США»²³. В итоге в течение двух неполных десятилетий США допустили много ошибок. В различных акциях они растратили запас прочности, что пошатнуло их могущество, накопили непомерные долги, стали детонатором мирового кризиса, последствия которого до конца еще не ясны. А за эти неполные двадцать лет, с 1991 по 2008 г., на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстро развивающихся стран (от Мексики до Малайзии), которые займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем (см. Рис. 2).

Как же все-таки это произошло? И главное, почему? Тому имеется множество причин и объяснений. «Закат Запада» можно трактовать, например, в духе О. Шпенглера или П. Бьюкенена, то есть

²² National Intelligence Council...

²³ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М.: Ладомир, 2002. – С. 283.

с позиций теории цивилизаций и отказа от нравственных императивов²⁴. Но это, разумеется, не объясняет в достаточной для научного анализа мере причины «падения нравов». Ослабление США можно также рассматривать как подтверждение различных теорий циклов политической гегемонии (в духе Дж. Арриги²⁵ или Дж. Модельски²⁶), согласно которым период гегемонии длится примерно 100–200 лет, а затем на смену одному гегемону приходит новый. Действительно, никто не может быть в лидерах бесконечно. Однако проблема, как мы увидим далее, в том, что обычной смены лидера в мире не будет, на место США не придет столь же абсолютный фаворит. А если единоличного лидера уже не может быть, то мир станет структурироваться по иным основаниям, чем раньше²⁷. Следовательно, с закатом США закончатся и циклы политической гегемонии, если о них вообще было корректно говорить применительно к предшествующим столетиям.

Вполне естественно рассматривать смену геополитического ландшафта как результат ошибок и высокомерия, которое в определенный момент охватывает могущественные державы. «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение», – писал по этому поводу Дж. Неру²⁸. Действительно, ошибок сделано немало, многие из них видны, как говорится, невооруженным глазом. Причем кажется, что западные демократии утрачивают и свое сильное качество – делать правильные выводы из собственных ошибок. Свидетельство этому – маниакальное стремление к свержению режимов на Ближнем Востоке (в Ливии, Сирии) безо всякой заботы о последствиях, без учета произошед-

²⁴ «Дехристианизация Америки – рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт “этический компас”, по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад» (Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003).

²⁵ Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: Территория будущего, 2006.

²⁶ Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. – 2005. – № 3–4. – С. 62–82. – С. 124–141.

²⁷ См.: Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. – 2009. – № 2. – С. 117–140.

²⁸ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. – М.: Прогресс, 1977. – Т. 3. – С. 90.

шего в Ираке, Египте, а также Палестине, Ливане. Западные демократии своими недалёковидными действиями порождают противников в лице ортодоксально настроенных мусульманских движений.

Однако сами ошибки (равно как и изменение моделей поведения элит и населения) можно рассматривать как результат более глубоких процессов. Следовательно, важно увидеть эти процессы, которые изменяют мир вопреки воле тех, кто, казалось бы, стоял в центре событий.

Сможет ли кто-нибудь заменить США? Развитие указанных трендов, связанных с ослаблением США и других стран Запада, возрастающим значением многих развивающихся стран и постепенным сближением уровней развития центра и периферии, означает в планетарном масштабе не просто серьезные перемены, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка, в целом сложной реконфигурации мира.

Но каким образом будет происходить реконфигурация? Прежде всего укажем, что хотя США и ослабят свои позиции, в новом мире никто не сможет стать абсолютным лидером. Исходить из того, что место США займет другое государство (чаще всего называется Китай), означает глубоко заблуждаться. Сегодня Соединенные Штаты сосредоточивают в себе сразу политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, идеологическое и даже культурное лидерство. Между тем в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится появления – ни одной страны и даже группы государств, которые смогли бы соединить в себе несколько аспектов лидерства. Кроме того, ни Китай, ни Индия, ни кто-либо еще не сможет взвалить на себя столь тяжелое бремя ни по экономическим возможностям, ни по политическим рискам (хотя бы из-за проблемы бедности населения и его возможного недовольства социальным неблагополучием), ни по причине отсутствия опыта и нужных союзов, а также идеологической слабости.

Какой мир нас ждет? Можно выделить три характеристики мира, который ожидает нас в ближайшем будущем: изменчивость правил и подвижность структур мировой системы,

активизация борьбы за союзников, сокращение суверенитета стран. Отсутствие сильного абсолютного лидера приведет к росту подвижности мировой системы в поисках новых политических оснований. На страницах другого журнала мной по этому поводу было сказано следующее: «В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что я назвал *эпохой новых коалиций*. <...> В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Но в конце концов постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы»²⁹.

Таким образом, в ближайшие десятилетия в мире возникнет целый ряд лидирующих в разных отношениях стран и образований, при этом могут выиграть те, кто будет проводить наиболее активную политику по блокированию и вхождению в новые союзы, кто сможет обзавестись максимальным количеством партнеров в разных сферах. Влияние страны будет увеличиваться, условно говоря, путем «зарабатывания» очков за счет участия в тех или иных союзах и блоках³⁰. Для наиболее крупных игроков также будет характерно противоборство в попытках повлиять на переустройство международной системы (которая, по-видимому, временно станет более подвижной, чем сегодня).

Следовательно, мы будем жить в мире, где усилится поиск союзников и союзов, вероятно, в определенных отношениях и соперничество, но в то же время начнут зарождаться некоторые ин-

²⁹ Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис... – С. 139; Он же. Динамика...

³⁰ В том числе и за счет образования все новых союзов. Появление БРИК и позже БРИКС в качестве реальных союзов из чистой экономической абстракции и комбинаторики – достаточно яркий пример таких химерических образований (то есть не имеющих реальных географических, исторических, культурных или цивилизационных оснований) из сиюминутных, пропагандистских или кажущихся выгод.

ституциональные факторы нового мирового порядка, требующего большей стабильности. Естественно, предугадать различные комбинации будущих союзов практически невозможно. Но отдельные предположения высказать можно. Так, мы полагаем, что всякого рода идеи о господстве союза Индии и Китая – химеры. В то же время картина, где США и Запад лавируют между союзами с Индией, или Китаем, или иными крупными развивающимися державами и блоками, выглядит более реалистичной. Собственно, уже в течение некоторого времени мы наблюдаем активизацию внешней политики США, направленную на сдерживание влияния Китая (за счет попыток усилить контакты с Индией и другими азиатскими и тихоокеанскими державами).

Все вышеописанные процессы также приведут к определенной трансформации национального суверенитета, который в целом будет ослабевать за счет явного или неявного, вынужденного или добровольного делегирования части суверенных прерогатив различным межгосударственным, наднациональным и мировым образованиям и договоренностям³¹.

Ослабление суверенности может сочетаться также с тем, что в некоторых развивающихся странах, где будут набирать обороты процессы индустриализации, вырастет и национальное самосознание, а вместе с ним и настроения национализма³². В ближайшие десятилетия глубина экономических связей серьезно увеличится, это окажет мощное влияние на те развивающиеся страны (особенно в Африке), большинство населения которых по-настоящему пока еще ее не чувствует. В результате может обостриться борьба традиционализма и глобализации. При этом временами в отдельных местах могут усиливаться конфликты или нестабильность, а целые регионы, возможно, столкнутся с крупными общественными потрясениями (как мы наблюдали это в случае «арабской весны»).

Новая геополитика и завершение эпохи устойчивых политических блоков. В течение многих десятилетий политические

³¹ См. подробнее: Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97.

³² Там же.

союзы в большинстве случаев определялись угрозой войны и соответственно выбором возможных союзников. Поэтому политические союзы очень часто были военно-политическими. В современном мире угроза крупномасштабной войны сократилась, зато значительно возросла экономическая зависимость стран друг от друга, которая будет только увеличиваться. Это позволяет заявить, что прежняя геополитика постепенно, порой незаметно, но вполне реально уступает место новой геополитике, связанной с необходимостью обеспечить наилучшие условия для экономического развития государства или союза. Черты этой новой геополитики, сегодня еще нечеткие, в ближайшие десятилетия станут более ясными. Укажем на некоторые из них.

Эпоха твердых альянсов и союзнической верности, приверженность которым явно ослабла, видимо, уходит (характерный пример – отказ Вашингтона в поддержке Пакистана и его союз с враждебной Пакистану Индией). Выбор союзников, партнеров и блоков будет все заметнее обуславливаться достаточно скоротечными обстоятельствами и быстро меняющимися интересами.

Государства будут искать не постоянных союзников, которым нужно быть верными вопреки всему, а временных «попутчиков» на самые разные случаи, в одно и то же время договариваясь по различному спектру проблем с массой партнеров (то есть восторжествует принцип бизнеса – иметь как можно больше контрагентов). Уже сегодня многих беспокоит будущее международной системы, если она будет базироваться не на правилах, а только на интересах³³.

Экономические интересы будут более ярко выражены во внешнеполитической линии. Следовательно, экономические интересы одних стран могут стать постоянными, а политические – значительно подстраиваться под них. Политические и геополитические принципы и интересы других государств (особенно крупных) никогда не растворятся в экономических аспектах. Но в этом случае разные векторы внешней политики могут оказаться как бы разведенными, то есть политические и экономические аспекты внешней политики будут существовать более обособленно друг от друга.

³³ National Intelligence Council...

И политика, следовательно, станет еще более прагматичной, чем сегодня³⁴.

Эпоха, при которой создание определенных блоков в экономике во многом определялось какой-либо близостью (цивилизационной, идеологической, военно-политической и т. п.), явно уходит. Сегодня мы видим усиление тенденции к тому, что тесные связи в экономике совсем не означают каких-либо партнерских отношений в политике или идеологии, хотя они могут сдерживать опасность нарастания конфликтов.

Рассмотрим это на примере Китая. Его политическое влияние возрастает. За счет чего это происходит? Китай вынужден вступать в различные союзы либо устанавливать с ними особые отношения (как в АСЕАН), стремясь играть там важную роль либо инициировать, активно поддерживать те или иные новые экономические соглашения (вроде свободной торговли между Кореей, Японией и Китаем). Китай также активизирует продвижение юаня (недавно подписаны договоры с Бразилией и Австралией), но для этого он должен активизировать свои соглашения с множеством стран, одновременно получая и предоставляя уступки (так, у Китая имеется крупный дефицит торгового баланса со странами АСЕАН). Но как бы активно он ни проводил свою экономическую политику, как бы ни увеличивал объем торговли с соседями, это несколько не ослабило его политических (и территориальных) противоречий с Тайванем, Японией, Вьетнамом, Индией и т. д. Другой пример. «Заигрывания» США с Индией в области разрешения последней иметь ядерное оружие также не означают, что между двумя государствами обязательными становятся прочные союзнические отношения.

Словом, поведение в политике значительно приблизится к стратегиям бизнеса, где твердость принципов всегда очень зыбка.

Но именно на этой почве подвижности могут формироваться принципы нового мирового порядка.

³⁴ При этом еще быстрее, чем прежде, будут забываться как вражда, так и дружба (один из показательных примеров – Вьетнам и Америка, которые, забыв антагонизм, активно развивают свои отношения).

Вместо заключения. Дивергенция и конвергенция в мире. Таким образом, длительный тренд дивергенции между западными и развивающимися обществами с 1980-х гг. сменился конвергенцией между ними. И в ближайшие два десятилетия процессы конвергенции в целом будут преобладать над процессами дивергенции (хотя в рамках отдельных групп стран дивергенция будет значительной). Однако затем ситуация может измениться. По нашим предположениям, новая фаза производственной революции, которая будет связана с открытиями в медицине и биотехнологиях, может начаться в 2030–2040-х гг., а широкое влияние на структуру экономики эти новые технологии окажут на полтора-два десятилетия позже³⁵. В связи с новой волной производственной революции процессы дивергенции, скорее всего, вновь усилятся именно на базе ускорения научно-технического прогресса. *То есть конвергенция обеспечит условия для технологического рывка, но в процессе самого рывка временно опять усилится дивергенция.* Тогда у западных стран и США, если они к этому времени не потеряют технологического лидерства, будет шанс вновь увеличить отрыв от стран периферии. Таким образом, то, что сегодня позиции Запада ослабевают и будут слабеть еще какое-то время, не означает, что Запад вовсе не может ничего сделать для удержания своего лидерства. В частности, помимо неустанного наращивания усилий по развитию технологий западные лидеры должны стремиться к консолидации своих действий. Например, объединение ЕС и США в новый единый рынок, о котором иногда говорят, было бы важным шагом в этом направлении. Но пока позиция Запада недостаточно конструктивна. И в целом скорее возобладает вариант появления новых экономических и, возможно, политических образований, которые будут более адекватны новым пока еще неясным технологиям.

* * *

Да, мир сильно и быстро изменился. Еще в начале 1990-х гг. было очень сложно представить, что могущество западного мира

³⁵ Гринин Л. Е. Динамика...

будет оспорено развивающимися странами. Например, в книге бывшего президента Европейского банка реконструкции и развития Жака Аттали «На пороге нового тысячелетия», которая вышла в 1991 г., читаем прогнозы, которые сбылись с точностью до наоборот, но тогда казались совершенно естественными. Так, Аттали говорил, что в XXI столетии многие рынки на Севере (то есть в развитых странах) в большинстве своем останутся закрытыми для экспорта с нищенского Юга³⁶. Сегодня западные рынки завалены товарами из развивающихся стран, которые стали мастерской и фабрикой мира. Аттали также полагал, что отсталость развивающихся стран преодолеть не удастся, и в мучительном отчаянии, лишенные всякой надежды, живущие на периферии народные массы будут лицезреть яркую картину процветания и богатства в другом полушарии³⁷. А сегодня мы читаем прогнозы (которые с очень большой долей вероятности сбудутся), что именно развивающиеся страны дадут наибольший рост мирового среднего класса, который в ряде азиатских стран, по данным Азиатского банка развития, будет расти до 9 % в год³⁸. В то же время в развитых странах средний класс размывается и растет разрыв в уровне жизни между верхним и нижним слоем населения. Все это говорит о том, насколько осознание действительности отстает от реальных процессов, а также и о том, что мир будет меняться очень быстро и нас ждут еще метаморфозы, к которым, возможно, мы психологически еще не готовы.

³⁶ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М.: Международные отношения, 1993.

³⁷ Там же.

³⁸ National Intelligence Council...